

Пока толпа смеялась над его несчастьем, Гиш поднялся с земли и попытался найти способ спасти свою гордость. Его взгляд остановился на мне, и я насмешливо поднял перед ним свою чашу.

— Ты, — сказал он. — Похоже, ты не знаешь об этикете в разговоре с дворянами, — обвинил он меня. Беспокойство, которое проявляла Сиеста, усилилось. Вероятно, простолюдинам не сулит ничего хорошего, когда с ними так разговаривает дворянин.

— Нет, — отвечаю я небрежно. — Я его знаю. Просто чаще всего предпочитаю не применять на практике, — признаюсь я. Небрежный ответ заставляет глаза блондина сузиться в бессильной ярости.

— Тогда, возможно, дуэль поможет тебе понять, как важно проявлять должное уважение в общении с вышестоящими, — провозгласил он, резко направив на меня свою розу.

Я замер. Очень непринужденно я опустил чашку с чаем. Наклонив голову на одну сторону, я стал копать в ухе мизинцем. Моя странная реакция, похоже, смутила позирующего блондина. Вытащив палец из уха, я снова взял в руки чашку и посмотрел ему прямо в глаза.

— Мне показалось, что у меня что-то застряло в ухе. Не мог бы ты повторить?

— Дуэль, — снова провозгласил он. — Я никогда не прощу того, кто заставил плакать двух дам.

— Тогда тебе всю оставшуюся жизнь будет трудно смотреться в зеркало, — не удержался я от колкости, и это вызвало смех в толпе. Но я не улыбнулся. Я продолжил. — Принято. Когда и

где?

— Я буду ждать тебя на площади перед церковью, — провозгласил он и вихрем умчался прочь, весь в драматическом плаще и с уязвленной гордостью.

Сиеста, казалось, была вне себя от страха. — Широ! Что ты делаешь? — требовала она, и от волнения ее голос стал пронзительным.

— Фамильяр! — прервал ее голос, и мы с горничной повернули головы в сторону. Навстречу мне неслось четыре с половиной фута розововолосой женской ярости. — Что ты себе позволяешь? — потребовала она встревоженным тоном. — Пойдем! — она схватила меня за руку и начала тащить прочь. Едва не потеряв равновесие, я успел поставить чашку на стол и прощально помахать Сиесте, которая сейчас была на грани слез и прижимала к груди серебряную тарелку как щит.

— Куда мы опять идем, Мастер? — спросил я, пытаюсь восстановить равновесие.

— К Гишу. Если мы быстро извинимся, может быть, он простит тебя! — заявила она. Я привстал на ноги, и она чуть не вывихнула руку, когда вдруг обнаружила, что я неподвижен, как гора.

— Я отказываюсь от этого приказа, Мастер, — торжественно заявляю я.

— Что? Разве ты не понимаешь, что он убьет тебя? — потребовала она, выглядя теперь скорее встревоженной, чем рассерженной.

Я некоторое время молча изучал ее, прежде чем заговорить. — Я собирался объяснить это вам, но, возможно, достаточно будет показать. Но вы должны знать, Мастер, что попытки удержать Слугу от битвы бесполезны.

— Прекрати! — потребовала она, имея в виду использование мною титула, на котором я настаивал, и едва не вырвала волосы от досады. — Что это за "Слуга", от которого ты никак не можешь отвязаться?

— Сейчас узнаете, — сказал я ей и повернулся, чтобы направиться к церкви, где, несомненно, ждал Гиш, все время позируя. Знаете. Есть в этом мальчике что-то такое, что мне просто не нравится. Он слишком сильно напоминает мне человека, которого я искренне ненавижу. Я приостановился и повернулся к Луизе, которая следила за мной, негодуя на мое непослушание и на то, что я веду себя так, будто не иду на смерть. — Мастер, вы случайно не любите Гиша?

— Что? — спросила она, удивленная моим внезапным вопросом, а затем на ее лице появилось выражение, обычно свойственное тем, кто только что надкусил лимон. — Нет. Он ни одной юбки не пропускает.

— Хорошо, — сказал я и улыбнулся. Видно было, что улыбка ее нервирует. — Мне бы не хотелось причинять своему Мастеру неудобства, когда я буду его убивать.

Сцена прерывается

— Удивительно, что ты не сбежал, — сказал мне прямо в лицо пижон. Толпа вокруг нас зашумела от удовольствия.

— Больше никаких слов, — мягко говорю я ему. — Начинай дуэль.

— Хмф, — сказал он и преувеличенно пожал плечами. — Так хочется проиграть? — спросил он меня. — Кто я такой, чтобы отказать тебе в твоей просьбе, простолюдин. — Толпа с удовольствием наблюдала за его игрой. По сравнению с ним я, должно быть, выглядел скучно. На все его улыбки и позы я отвечал лишь мрачным выражением лица.

Когда он наконец-то занялся чем-то, действительно предназначенным для битвы, я внимательно присмотрелся к толпе. Я заметил Сиесту, которая закрывала рот обеими руками и выглядела так испуганно, будто ей могло стать плохо. Я увидел и Луизу, которая выглядела смилившейся с тем, что не в силах остановить то, что должно было произойти. Возможно, она попыталась бы сделать больше усилий, чтобы остановить это, но мое случайное заявление о смерти моих противников в сочетании с напоминаниями о том, что я все время пытался объяснить, что мой вызов отличается от большинства, похоже, заставили ее любопытствовать, что же должно произойти. Я даже заметил Кирхе и Табиту. Правда, в этот раз Табита была какой-то не такой.

В руках у нее не было книги. Вместо этого она смотрела на меня таким напряженным взглядом, что это было почти осязаемо.

Только она догадывалась, что сейчас произойдет нечто большее, чем избиение заносчивого простолюдина.